

*Литераторъ И. А. Бунинъ
объ остальныхъ*

Произведения, подобныя нижеслѣдующему, принято обычно начинать такъ:

При всемъ своемъ глубочайшемъ уваженіи къ глубокому таланту и несравненному дарованію Имярека, я, къ великому своему сожалѣнію, вижу себя нравственно вынужденнымъ все-таки сказать, что на этотъ разъ всеми нами высоко цѣнимый Имярекъ таланта не проявилъ и уваженія не вызвалъ...

Обычай этотъ никуда не годится. Что Имярекъ талантливъ — это все знаютъ, а если онъ не талантливъ, то тѣмъ меньше стоитъ столь вяще изломиться. Что талантъ вообще заслуживаетъ глубокаго уваженія — это не требуетъ ни доказательствъ, ни деклараций. А кроме того, обычное это начало ничѣмъ пишущему не поможетъ: сколько бы ты не гладилъ Имярека по шерсти, малѣйшее мимолетное движеніе твое противъ его шерсти мгновенно увеличитъ число твоихъ опасныхъ враговъ еще на одного. Ибо не любятъ этого Имяреки, чтобы ихъ, даже незначай, противъ шерсти погладили.

Отсюда выводъ: отъ суесловнаго словословія воздержись и скажи, что имѣешь сказать, (если имѣешь) безъ обиняковъ.

Итакъ, 13-го апрѣля с. г. знаменитый русский писатель, И. Бунинъ, читалъ свои воспоминанія о встрѣчахъ и знакомствахъ съ русскими писателями — много извѣстными, просто извѣстными, мало извѣстными и совсѣмъ почти неизвѣстными, какъ здравствующими, или считавшихся въ моментъ чтенія здравствовавшими, такъ и умершими. Большой концертный залъ Гаво былъ полонъ во всехъ своихъ ярусахъ. Широкая концертная эстрада за спиною И. Бунина была украшена цвѣтомъ парижской литературной и политической эмиграции. Фигуры столбовъ эмигрантской элиты, Милюкова, Струве, Маклакова и другихъ, еще болѣе подчеркивали торжественность этого литературнаго событія: представитель столбовой русской литературы, почти совершенно отмершей въ самой Россіи, скудно представленной и въ эмиграции, собралъ большой народъ, чтобы оживить передъ нимъ вочеловѣченный образъ этого значительнаго прошлаго въ исторіи русской культуры, чтобы породнить съ нимъ людей, молодое поколѣніе, этотъ образъ забывшіе или не знавшіе его. Чего, какъ не этого, можно было ждать и можно было требовать отъ большаго русскаго писателя, выросшаго, духовно сложившагося и оформившагося въ ту эпоху, отложившаго на моментъ перо художника, чтобы выступить въ роли устнаго мемуариста? Даже для старшаго поколѣнія эмиграции, мало или совсѣмъ не связаннаго по роду своей дѣятельности съ художниками русскаго

слова, было дорого и важно сопрячаться через талант И. Бунина с той эпохой русской литературы, когда она еще не была разрѣзана на двѣ части, изъ которой одна, «совѣтская», искажена гнетомъ партійной диктатуры, а другая, «эмигрантская», искажена бездомной свободой изгнанія.

Всѣмъ, отъ митрополита Евлогія въ первомъ ряду кресель до какого нибудь молодого студентика изъ Бессарабіи, только краемъ уха слышавшаго о русской литературѣ дореволюціонной эпохи, было интересно почувствовать изъ устъ сына этой эпохи біеніе ея литературно-творческаго пульса, вдохнуть ея литературную атмосферу.

И почувствовали. И вдохнули...

Въ теченіе двухъ часовъ читаль знаменитый русский писатель, Иванъ Бунинъ, изъ тетрадки злобную запись злобныхъ чувствъ и злобныхъ мыслей о большихъ, среднихъ и малыхъ дѣятеляхъ русской литературы. Читаль изъ тетрадки превосходно, язвительно, артистически-колко, съ «выраженіемъ», паузами, удареніями, замедленіями, ускореніями, повышеніями, пониженіями, со всѣмъ скорбнымъ инструментаріемъ разоблачителя, котораго не проведешь, не этъ, не проведешь, потому что этотъ профессиональ запойнаго разоблачительства все видитъ «насквозь», потому что онъ дьявольски пронзителенъ и пронцителенъ, потому что у него не глаза, а рентгеновскій аппаратъ, который ничего не видитъ снаружи, а все только внутри, только внутри, хоть ложись да помирай.

Для людей, знающихъ и любящихъ дарованіе И. Бунина-художника, было чудовищно слушать отъ него этотъ грубо антихудожественный, провинціально-

мефистофелевскій хикъ самовлюбленнаго превосходства и превосходительства. Русская литература? Русскіе литераторы? Да что вы, батенька, тамъ себѣ представляете, да внушаете! Видаль я, слава тебѣ, Господи, навидался я на своемъ вѣку: ломаки, кривляки, хвастунишки, лгунишки, скандалисты, куралесы, и вовсе не талантливые, а просто рекламисты безсовѣстные... И, чтобы все это было «ярче» и нагляднѣе, Бунинъ-художникъ сталъ подражать манерѣ рѣчи и чтенія нѣкоторыхъ своихъ персонажей. Долженъ признать: дѣлалъ онъ это блестяще со сноровкой природнаго мастера сихъ дѣлъ. Если-бъ я не зналъ, что Бунинъ большой писатель, то я бы твердо рѣшилъ, что Бунинъ большой профессиональный имитаторъ.

Эта сторона его чтенія была вполне оцѣнена присутствовавшими въ залѣ любителями. Бунинъ изображалъ, а любители смѣялись. Смачно такъ, благоутробно. Изобразить Бунинъ какое-нибудь двусишнѣе въ манерѣ его автора и въ залѣ то тутъ, то тамъ — прыскъ-прыскъ... Развѣ удержишься, когда такъ убійственно талантливо сдѣлано? Человѣкъ — не камень. Даже особы высокаго ранга — и тѣ смѣялись. Такъ ужъ велика сила таланта.

А самому таланту лестно, что смѣются: значить — пробрало! И писатель Бунинъ подбавлялъ пару. Вотъ онъ имитируетъ одного изъ старыхъ писателей-народниковъ, уже давно покойнаго. Писатель тотъ страдалъ недугомъ занканія. Такъ и отъ этого соблазна не удержался Бунинъ: сталъ подражать его занканію. Сдѣлалъ рѣчевой недугъ стараго, чистаго и честнаго человѣка предметомъ сильно-комическаго публичнаго аттракціона. А вотъ и совсѣмъ замѣча-

тельный номеръ: имя писателя не называется — догадайтесь сами! А для того, чтобы догадаться, Бунинъ произнесъ въ его манеръ, съ изумительной каррикатурной точностью, довольно длинную рѣчь. Всѣ, которые когда-нибудь слушали этого, нынѣ здравствующаго во Франціи, знаменитаго русскаго поэта, могли немедленно догадаться, кто это. Всѣ мы знаемъ, что гвоздь всякаго представленія имитатора заключается въ томъ, что имя имитируемаго не называется, а о комъ идетъ рѣчь, всѣ тѣмъ не менѣе, сразу же и догадываются. Вотъ такимъ гвоздемъ щегольнулъ и Бунинъ.

Чтобъ коллекція уродовъ русской литературы, которую изображалъ И. Бунинъ, вышла по возможности болѣе полной, онъ включилъ въ нее рядъ №№, имена которыхъ не только всѣми забыты, но извѣстность которыхъ и въ свое время не шла дальше компаніи собутельниковъ и соскандалистовъ. Какой то московскій лоботрясъ пожелалъ на большія папашины деньги поскандальить не только въ кабакахъ и иныхъ злачныхъ заведеніяхъ, но также и въ литературѣ. Во исполненіе чего выпустилъ какую-то скандальную книжицу. А затѣмъ, удовлетворивъ свою страстишку, вернулся, очевидно, въ папашинъ лабазъ, предварительно, однако, громогласно заявивъ: «довольно дурака валять!». Дошло это до слуха И. Бунина и черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ онъ включаетъ этого истиннаго дурака и мнимаго литератора въ свои матеріалы для характеристики русской литературы и русской литературной среды. Для 99/100 всей существовавшей на представленіи И. Бунина публики удѣльный вѣсъ этого дурака въ русской литературѣ совер-

шенно неизвѣстенъ. Но, если знаменитый русскій писатель, И. Бунинъ, на этомъ дуракѣ такъ внимательно останавливается и валитъ его въ общую безобразную кучу русской литературной жизни, то, значить, удѣльный вѣсъ этого дурака довольно великъ. И вѣдь такихъ пустоплясовъ, валявшихъ нѣкоторое время дурака, было не мало въ коллекціи, продемонстрированной И. Бунинымъ. Всѣхъ ихъ онъ включилъ въ свой паноптикумъ и, ничтоже сумняшеся, макнулъ квачъ въ деготь и вывелъ на фронтонъ: здѣсь показываютъ русскую литературу... Хороши же были представленія о русской литературѣ, внушенныя И. Бунинымъ людямъ, съ образомъ этой литературы того времени незнакомымъ!

А вѣдь это было сдѣлано писателемъ, котораго меньше всего можно упрекнуть въ нигилистическомъ отношеніи къ русскому прошлому, въ стремленіи его оплевать, забрызгать грязной слюной ненависти и презрѣнія. Вѣдь И. Бунинъ — писатель сугубо охранительно-консервативнаго міроощущенія. Какъ любовно и патетично въ романѣ «Жизнь Арсеньева» описывается — «ярко-русый гигантъ гусарь въ красномъ доломанѣ, съ прямыми и рѣзкими чертами лица, съ тонкими, энергично и какъ бы нѣсколько презрительно изогнутыми ноздрями, съ чуть-чуть выдвинутымъ подбородкомъ, совершенно поразившій меня своей нечеловѣческой высотой, длинной тонкихъ ногъ, зоркостью царственныхъ глазъ!» И какъ Арсеньевъ, опустившись на колѣни и сжимая зубы, страстно плакалъ, спустя много лѣтъ, у гроба этого представителя невозвратнаго и осужденнаго русскаго прошлаго. Такъ вотъ я этого совсѣмъ не по-

нимаю: для прошлаго русской арміи, цѣпенѣющей передъ нечеловѣческой высотой и зоркостью царственныхъ глазъ, у Бунина есть такое громадное уваженіе, что онъ пространно упражняетъ его даже въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ, какъ «Современныя Записки», а для прошлаго русской литературы — одна только злоба, шаржъ, карриатура, сплетня, поклепъ? Что-жь онъ, И. Бунинъ, — прапорщикъ армейскій или гражданскаго вѣдомства русскій писатель? Или такъ трагически сложилась литературная жизнь И. Бунина, что всѣ его литературныя встрѣчи и знакомства сводили его только съ ломаками, кривляками и дураками?

О, «ѣтъ! Бунина его литературная дѣятельность сводила не только со значительными представителями русской литературы, но и съ ея благороднѣйшими и возвышенными представителями. Но вотъ это и характерно, что именно о нихъ онъ и умолчалъ на своемъ вечерѣ. Гдѣ то на заднемъ планѣ его изложенія проплывали тѣни Тургенева, Толстого, Чехова. Казалось, что вотъ и самъ Бунинъ отдохнетъ на ихъ образахъ отъ своей злобы и намъ дастъ передохнуть отъ спертаго воздуха его паноптикума уродовъ. Мнилось, что, если не справедливости ради, то хотя бы ради формальныхъ требованій композиціи, свѣто-тѣни, онъ съ нами подѣлится своими впечатлѣніями отъ этихъ людей, которыхъ вѣдь и онъ, Бунинъ, чтить, и можетъ быть, даже любить.

Но напрасны были эти ожиданія. Не только Бунинъ-человѣкъ, но и Бунинъ-художникъ не догадался за весь вечеръ показать, что онъ умѣетъ не только ненавидѣть, но и любить, что на его па-литрѣ, кромѣ дегтя и сажи, имѣются и

болѣе благородныя краски. Въ тотъ вечеръ онъ любовь и благородство оставилъ про себя. Намъ же онъ далъ только злость и ненависть свои. Талантливый писатель оказался въ этотъ вечеръ только талантливымъ имитаторомъ, но за то бездарнымъ художникомъ, которому чужды самыя элементарныя законы живописанія, самыя элементарныя правила композиціи.

Нельзя было избавиться отъ впечатлѣнія, что чтець-декламаторъ точно убѣгаетъ, отталкиваетъ отъ себя все, что человѣчно, глубоко, трогательно, проникновенно. Все это портило-бы картину, спяпанную Мефистофелемъ Штигровскаго уѣзда. О рядѣ писателей, о которыхъ трудно или неловко было сказать что-нибудь плохое, высмѣять ихъ, передразнить — Бунинъ вообще не сказалъ ни слова, хотя эти люди весьма входили въ кругъ его литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ и были безконечно болѣе характерны для русской литературы того періода, чѣмъ тѣ дураки и каналы, которыхъ Бунинъ столь аппетитно и столь публично размалывывалъ. Русская литература и русская литературная среда въ этотъ позорный вечеръ была только тѣмъ, что могло служить трамплиномъ для его язвительной акробатики, и больше ничѣмъ.

Я въ этомъ не сомнѣваюсь: были и есть среди русскихъ писателей люди смѣшноватые, чудаковатые, дураковатые и даже подловатые. На всѣ сто процентовъ вѣрю Бунину, что вотъ у этого знаменитаго поэта-переводчика съ еврейской фамиліей была слишкомъ длинная борода (могъ бы подстричь!) и что тотъ писатель народникъ, что заикался, могъ бы поменьше кукситься на Тугана-Барановскаго и не злоупотреб-

лять татарской половиной его двойной фамилии. Что среди писателей, в том числе и «передовых», могли быть и были люди с большими человеческими слабостями, что у выдающихся людей выдающимися являются не только их достоинства, но часто и их недостатки — это известно было даже тем восторженным и радикальным курсисткам, которые так раздражали Бунина во время оаций, устроенных ими длиннорядом радикально-гражданскому поэту.. Однако все это не уничтожает их культурного и национального значения, как представителей одной из важнейших отраслей духовной жизни народа. Но в том то и дело, что из чтения Бунина даже трудно было узнать — писатели ли, вот эти отвратительные фигуры, или весь их интерес в том и заключается, что они были столь отвратительны. Можно иногда дать и самую жестокую и даже издевательскую характеристику тому или иному деятелю литературы, как человеку, но нужно все таки точно знать: по какому случаю пальба и клики? — по случаю ли литературы или по случаю того, что надо же на ком-нибудь собак вешать?

Как о литераторах, мы ничего не узнали от Бунина про тех людей, которых он изображал. Для этого у него не хватило ни времени, ни вкуса. Изобразить две строчки из Блока, как сам Блок, (очень похоже!) и готово: вот вам и Блок! Да что же такое — Блок? Никто не знает и не понимает, а вот он, Бунин, знает и понимает. Было такое дело: был такой странный русский человек, поэт и искатель правды, который был да сплыл. Пропал куда-то

совсем безвестно. Чужая какой-то трагической надлом. Так вот: человек этот в действительности нисколько не был странным и загадочным, а был он — здоровяк, дай Бог всякому, и нисколько он не был юродивым, а только юродивыми духами прыскался. Одним словом — ломака. А Блок? А Блок про такого-то ломаку вот что написал. Следует изображение двух строчек Блока, как если бы сам Блок их читал (очень похоже) и — фюить: летит Блок в корзину смѣшноватых ничтожностей! Теперь мы уже всё знаем, что такое был Блок. Думали одно, а оказалось совсем другое. А мы, дурни такие, даже и не догадывались.

Вообще, знания того, о чем никто не знает, Бунин обнаружил бездну. Сенсационнейшее место его чтения относится к Горькому. Мы узнали, что этот бездарный автор «Пѣсни о соколѣ», «Буревѣстника» и тому подобных омерзительных произведений сразу же произвел на Бунина невыносимо отталкивающее впечатление. Почему Горький снискал себе своим творчеством мировую славу, Бунин отказывается понимать. Он процитировал вот этого «Сокола» и было в самом деле непонятно: люди, что ли с ума сошли, что читают такую бездарь и восхваляют такую бездарность? Весь мир обманул Горький, но, конечно, его, Бунина, не обманешь. Бунин знает, отчего Горькому удалось обмануть весь мир. Дело в том, что Горький присвоил себе фальшивый паспорт босняка, перекасти-поле. Этот фальшивый паспорт и помог ему сделать такую головокружительную карьеру. А между тем... А между тем

никто не знает, что происхожденія Горькій отнюдь не пролетарскаго, а самаго что ни на есть буржуазнаго. Никто не знает, но онь, Бунинъ, знает. Самъ читаль, въ словарѣ Брокгауза читаль. Какъ это никто до сихъ поръ не разоблачилъ фальшивку Горькаго, давая ему безошлнно безданно наживать громадныя проценты литературной славы на свой фальшивый паспортъ — Бунинъ не понимаетъ. Всеобщее затменіе умовъ, за исключеніемъ Бунина, безъ котораго наличность этого затменія никѣмъ не могла бы быть зарегистрированной...

Эта часть чтенія о Горькомъ была апофеозомъ.

Уже при первой встрѣчѣ Бунина съ Горькимъ (ихъ познакомилъ Чеховъ) Бунинъ сразу раскусилъ, что это за «типъ». Мы узнали нѣчто совершенно новое изъ исторіи русской литературы: Бунинъ сразу же проникся величайшимъ презрѣніемъ къ Горькому. Такъ декламируется исторія... Бунинъ рассказывалъ сцену перваго знакомства такъ, точно Чехову крайне непріятно было знакомить порядочнаго человѣка съ хулиганомъ. Осталось невыясненнымъ: а за чѣмъ же самъ Чеховъ водилъ компанію съ такимъ человѣкомъ, съ которымъ ему непріятно было знакомить другихъ? Передо мною случайно оказался сборникъ неизданныхъ писемъ А. Чехова. И тамъ въ письмѣ отъ 10 января 1903 года я читаю: «Максимъ Горькій — человѣкъ добрѣйшій, мягкій, деликатнѣйшій» («Неизданныя письма», Госиздатъ 1930 г., стр. 62). Наврядъ ли можно теперь согласиться со всей этой характеристикой. Но вѣдь Бунинъ рассказывалъ про отношеніе къ Горькому Чехова! Такъ декламируется не только

своя собственная исторія, но и исторія другихъ людей... А уже изъ-за Горькаго досталось и сборникамъ «Знанія». Объ этомъ литературно-издательскомъ начинаніи, сыгравшемъ такую громадную роль въ русской литературѣ, Бунинъ отозвался въ высокой мѣрѣ пренебрежительно. Еще бы: во главѣ его стоялъ вѣдь Горькій! Правда, активнымъ его участникомъ былъ и Бунинъ, но — такъ декламируется исторія, своя собственная въ томъ числѣ.

Закончилось чтеніе картиной Петербурга въ дни февральской революціи. Мрачной тѣнью легло на эту картину такое событіе изъ жизни Бунина: рядилъ онь въ Петербургѣ извозщика, а извозчикъ тотъ заломилъ такую ни съ чѣмъ несообразную (развѣ что только съ революціей!) цѣну, что вотъ, спустя 13 лѣтъ, Бунинъ все опомниться не можетъ и «съ сердцемъ» рассказываетъ объ этомъ на большомъ публичномъ собраніи. Ахъ, этотъ роковой въ русской исторіи и историографіи, классическій Ванька: какое множество людей, изъ тѣхъ, про которыхъ кажется Чеховымъ сказано: «какъ пили, какъ ѣли, и какіе были либералы!» — этотъ коварный Ванька превратилъ въ злѣйшихъ либералоненавистниковъ... И до чего пассивъ русской революціи переобремененъ несправедливо взысканными Ванькой съ господъ своихъ двугривенными? Чую я, что дорого заплатитъ русская революція за эти Ванькины безобразія...

А тутъ еще приключилось Бунину быть на какомъ-то банкетѣ, гдѣ былъ и Маяковский — тоже нѣчто извозщичье. По рассказу Бунина вышло такъ, что центральнымъ содержаніемъ этого революціоннаго банкета былъ архи-безобразнѣйшій скандалъ, учиненный Ма-

яковскимъ. Скандалъ этотъ былъ изложенъ въ стилѣ натурализма такой крѣпости, которую художникъ Бунинъ никогда не позволяетъ себѣ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Позоръ и стыдъ этого банкета состоялъ въ томъ, что на немъ присутствовалъ тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ онъ международно-дипломатическое значеніе и вотъ такой-то торжественный актъ Маяковскій превратилъ въ скандальнѣйшую свалку. Нечего сказать, хороша была революція...

Я разспросилъ нѣсколькихъ участниковъ этого банкета и въ томъ числѣ, сидѣвшаго на трибунѣ во время чтенія Бунина, упомянутаго имъ министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ министръ иностранныхъ дѣлъ — историкъ и чловѣкъ съ хорошей памятью. Ни онъ, ни другіе участники этого банкета скандала Маяковского не запомнили. Я, однако, охотно вѣрю, что Маяковскій дѣйствительно основательно скандалилъ. Я только не думаю, чтобы событія, даже очень громкія и скандальныя, происходящія за твоимъ или сосѣднимъ столомъ, составляли всегда и на вѣки центръ и главное содержаніе въ исторіи міра или даже твоей страны. Надо умѣть подняться выше своего и стола твоего ближняго, чтобы уразумѣть и другимъ дать понять, что такое русская исторія и русская литература и даже русскіе литераторы.

Тотъ, кто не умѣетъ подняться, тотъ падаетъ...

Это и приключилось съ И. Бунинымъ въ роковое 13-е число апрѣля сего года въ Парижѣ въ залѣ Гаво.

В. И. Талинъ

О мистической атмосферѣ молодой литературы въ эмиграціи.

Искусства нѣтъ и не нужно. Любовь къ искусству — пошлость, подобная пошлости поисковъ красивой жизни. И всякому знаменитому писателю предпочителенъ иной неизвѣстный гений, который иронически сжимаетъ и разжимаетъ передъ собою большую атлетическую руку и воплголоса говоритъ: «Они никогда не узнаютъ».

Отсутствіе искусства прекраснѣе его самого.

Но какой смыслъ въ красотѣ? Развѣ всякая красота не зловѣще отвратительна въ своемъ совершенствѣ, какъ отвратительна дивная музыка Баха, которая по стекляннымъ лѣстницамъ вѣчно восходитъ и отдалается, оставляя за собою ужасающую тьму и одиночество. Красивая и чистая духовная жизнь такая же пошлость, какъ и красивое искусство.

Что же остается, когда познано, что и заниматься и не заниматься искусствомъ одинаково грѣхъ? Остается жалость къ высшему чловѣку (а всѣ люди высшіе, и чѣмъ ниже и темнѣй чловѣкъ, тѣмъ выше). Жалость въ формѣ всякаго рода участія (и, конечно, гораздо выше давать деньги, чѣмъ давать мысли. И малѣйшій парадъ Арміи Спасенія стоитъ всего Лувра). Жалость къ высшему чловѣку — паюсъ Ницше, одного изъ самыхъ христіанскихъ писателей. Желаніе защитить высшаго чловѣка отъ его собственной доброты, укрыть его, найти ему убѣжище (въ эгоизмѣ). Или же вѣрнѣе всего искусство частная переписка между друзьями. Ибо самое большое зло міра это разлу-